

**Санжар ТУРСУНБЕКОВ**

## **ВЕЧНЫЕ ИГРЫ КОЧЕВНИКОВ**

Я поведаю вам одну историю, которую стоит взять на вооружение каждому здравомыслящему учителю казахского языка. Не могу обещать, что в ней будут какие-то захватывающие повороты, которые заслуживали бы особо пристального внимания. Однако для любого педагога, который сталкивается с проблемными учениками, мой рассказ станет неплохим руководством по ликбезу молодого поколения. Зовут меня Исатай или, лучше сказать, Исатай Ануарбекович, как обращаются ко мне мои ученики. Через год мне исполнится 42, и хочу сказать, что за весь мой 20-летний стаж работы у меня не было столь ленивого и столь необучаемого индивида, как Ахметбеков. Однако это было тогда, в те далекие годы. Он еще совсем не претендовал на роль одного из самых известных поэтов нашего времени – того, кто впоследствии будет писать все свои произведения исключительно на казахском языке, даже будучи прежде русскоязычным человеком. Его первым настоящим сочинением, которое можно считать началом его творческого пути, стало именно то эссе. К сожалению, оно было утрачено при одном из моих переездов, но его суть я помню до сих пор – так ясно, будто проверял его вчера.

Шокан Ахметбеков учился в ту пору в 10-м классе. Его в полной мере можно было назвать казахом, который полностью утратил свои этнические корни. Роста он был небольшого, пухловатый, но без избытка жирка, имел волнистые черные волосы и маленькие глазки, в которых сложно было разглядеть хоть какой-то намек на интеллект, как мне казалось на тот момент. Так получилось, что Ахметбеков с раннего детства жил в Англии. Насколько я был осведомлен, в четырехлетнем возрасте он вместе с родителями переехал в Бирмингем, а вернулся в Казахстан приблизительно в 14 лет. Когда я только начал обучать его, Ахметбекову было 16, и, конечно же, тот год стал для меня крайне нелегким. Как педагог я должен сразу обозначить свою позицию: лично я довольно спокойно отношусь к обрусевшим казахам, которые всеми силами стремятся постичь родной язык. Тем более я таких обучал, но об этом чуть позже. Случай же Ахметбекова был совершенно иным: он в совершенстве владел как русским, так и английским языками, но вот обучать его казахскому было сложно в связи с его полным отсутствием интереса к национальной культуре. Мои уроки, когда в классе присутствовал этот непростой ученик, обычно превращались в несуразную комедию, которая каждый раз пробивала всё новый рубеж невежества и глупости. Он отказывался читать тексты на казахском языке, а если и читал, то с дичайшим акцентом. При пересказе всё тех же текстов он кое-как мог проговорить простые предложения и нередко переводил свою речь на английский язык, не имея желания попробовать завершить рассказ по-казахски. О письменных заданиях мне даже говорить не хочется, потому что он совершал, кажется, все возможные виды орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок. Очень часто он вкидывал, что не понимает логики языка, и неустанно задавал вопрос: почему в настоящем времени везде так часто используется слово «жатыр»? Я пытался ему объяснить, что каждый язык несет в себе мышление той или иной нации. Так что для понимания логики, как он сам выражался, нужно сначала понять образ мысли казахского народа. Что касается слова «жатыр», я вдавливал ему про универсальность этого глагола, но он отказывался слушать мое объяснение, сразу переключал-

ясь, видимо, от скуки, на другую тему. Бывало, мы переходили в другое поле, а именно – смотрели на вещи в разрезе исторических достижений страны.

– Ну скажите, Исатай Ануарбекович, ну в каких великих битвах выигрывали казахи? Было ли что-то наподобие Аустерлица или Полтавской битвы?

– Казахи повторили подвиг 300 спартанцев при Орбулакской битве. Уверен, ты этого не знал, Ахметбеков.

Словом, на уроках мы непрестанно пререкались. Однажды меня вызвала завуч нашей школы и сказала, что с таким уровнем подготовки Ахметбеков Шокан полностью завалит все аттестации по государственному языку в следующем выпускном году, и вся ответственность за его результат лежит на мне, как его преподавателе. Я принялся думать, что же можно сделать. Мои прошлые ученики, которые были обрусевшими казахами, занимались по одной программе – ее мне любезно посоветовала одна умная женщина, обучавшая казахскому языку французов. Благодаря ей они освоили язык в совершенстве. Ахметбекова бы явно не заинтересовала эта программа, поэтому я ее прежде и не предлагал, но, как говорится, жизнь вынуждает. Суть этой методики заключается в том, что необходимо ежедневно читать вслух какой-либо казахский текст и тем самым пробуждать у человека генетическую память. Прежние мои ученики прежде так читали Абая и Абдижамила Нурпеисова, и в какой-то момент в них пробудилась страсть к родному языку. Так Диас – учащийся у меня прежде юноша, как он мне сам рассказывал, почувствовал, что однажды, читая так же вслух «Қан мен тер», он почувствовал, будто в нем пробудилось что-то ранее неизвестное. Как будто бы проснулась некая сила, которая начала помогать ему моментально запоминать каждое новое казахское слово. Он начал разговаривать более литературным языком с практически кристальным произношением. Он научился дышать «по-казахски» при произношении каждой буковки, каждого слова, каждого предложения. Для Ахметбекова Шокана я выбрал следующее произведение, а именно – «Құлагер» Ильяса Жансугурова. Помню наш разговор с ним, когда я решил дать ему это задание.

– Ты должен каждый день хотя бы по несколько строчек читать поэму «Құлагер». Ты сейчас не поймешь эту историю, но, возможно, потом проникнешься таким глубоким человеком, как Акан Серы. Ты обязан каждую неделю после наших занятий докладывать мне, сколько страниц произведения ты прочитал. Помни, читать нужно ежедневно, без пропусков. Думаю, ты знаешь, что если не освоишь нормально казахский язык, то не сможешь сдать государственный экзамен по нему, следовательно, поступить в вуз будет для тебя задачей невозможной.

– Исатай Ануарбекович, честно вам скажу – у меня не получается все это. Сколько бы я ни пробовал понять грамматику и вообще освоить язык, мне это никоим образом не дается. Так зачем вообще стараться? Честно – не хочу все это делать и не делал бы, но мои родители активно взялись за мое обучение, так что выбора у меня теперь попросту нет. Для меня это больше чужой язык, даже несмотря на то, что во мне есть казахская кровь.

– Ахметбеков, ты же вернулся сюда. Ты сейчас не в Англии и не где-то еще. Поэтому нравится тебе это или нет, но ты будешь учиться по этой методике!

Ровно через три недели после этого разговора, когда май подходил к концу, я вызвал Ахметбекова для того, чтобы проверить, насколько повысился его уровень владения языком. За весь этот промежуток времени он нехотя отчитывался передо мной, как идет его чтение. Вроде он и следовал всем моим рекомендациям, но я чувствовал, что он явно халтурил. И вот на третьей неделе я понял, что мы никак не продвинулись и чтение вслух не дало никакого результата. Я был в полной ярости, а на лице Ахметбекова читалось что-то вроде: «А вы ожидали иного исхода?» В полном негодовании, еле сдерживая

гнев, я разрешил ему идти по своим делам, но сказал, чтобы он пришел ко мне завтра в это же время. Он ехидно улыбнулся и попрощался со мной, а я стал думать и еще раз думать.

«Если чтение вслух не дало ожидаемого результата или хоть каких-то проблесков у моего нерадивого ученика в плане развития интереса к языку, то нужно применить что-то более сильное», – вот что думал я. И тут мне вспомнилось, что этой осенью будут проводиться Всемирные игры кочевников и там будут присутствовать практически все виды спортивных состязаний, которые практиковались нашим народом на протяжении многих веков. Честно сказать, я знал только некоторые игры казахов, но далеко не все. Я принялся изучать информацию обо всех готовящихся спортивных мероприятиях, и в моей голове созрело летнее домашнее задание для Ахметбекова Шокана.

На следующий день я пригласил не только его, но и его родителей, которым в полной мере объяснил всю ситуацию, касающуюся успеваемости их сына. Также я дал им листок, где были расписаны все национальные спортивные игры, которые летом должен будет освоить Ахметбеков Шокан. Я разъяснил, что эти игры проводятся на Всемирных играх кочевников и что это более действенный способ заставить полюбить ребенка казахскую культуру, почувствовать ее дух и, конечно же, пробудить его генетическую память. Мой список содержал следующие игры: «Тенге Ілу», «Бәйге», «Жамбы ату», «Аударыспақ», «Көкпар», «Тоғызқұмалақ», «Құсбегілік», «Садақ ату», «Асық ату» и «Жорық». Ахметбеков был удивлен этим заданием. Также я добавил, чтобы он не забрасывал чтение вслух, дал некоторые практические упражнения по грамматике, добавил, чтобы он следовал другим моим методическим указаниям. И дополнил, что в сентябре жду его эссе о национальных играх казахов.

Именно в тот день я узнал от родителей Ахметбекова – его мы отпустили чуть раньше, и я остался поговорить только с ними, – что настоящей причиной его нежелания говорить на родном языке стал один случай. Однажды, после возвращения из Англии, он поехал в аул своего отца, где все говорили только на казахском. Там он оказался в компании двоюродного брата – с ним были еще четверо парней и две девушки. Когда Ахметбеков попытался заговорить по-казахски, над ним засмеялись. Никто из присутствующих раньше не слышал такого акцента и произношения. С тех пор он перестал пытаться говорить на родном языке и отдалился от своей культуры. Я удивился, узнав, как незначительный случай способен оставить глубокую психологическую травму, породив языковой барьер у человека. И всё же я чувствовал: Ахметбеков сможет это преодолеть.

Пролетели летние месяцы... Всё это лето я ни разу не созванивался ни с самим Ахметбековым, ни с его родителями. 1 сентября я мельком видел его на линейке, и мне показалось, что он с кем-то переговаривался на казахском языке. Я решил, что мне, скорее всего, почудилось, потому что Ахметбеков ни разу не пытался сам говорить на родном языке и делал это на моих уроках только по принуждению. На следующий день – 2 сентября, я немного опоздал на нашу с ним встречу, а когда зашел в кабинет, то увидел, что в нем никого нет, но на моем столе лежит то самое эссе, которое я ему задал. Сам Ахметбеков, видимо, ушел на урок, который был у него по расписанию. Я принялся читать, это заняло больше 8 минут. В конце концов я, сам того не осознавая, взял ручку и поставил отметку «отлично» его работе.

Эссе было написано в весьма необычном ключе. Автор (и мой ученик по совместительству) расписывал, как каждый раз учился новой игре кочевников из моего списка, как он день за днем все больше влюблялся в нашу культуру. Эссе было написано очень грамотно, с использованием метафор, эпитетов. Кажалось, его написал настоящий мастер слова, который обладал обширным сло-

варным запасом казахского языка. Я был поражен, точнее, сражен наповал тем, что Ахметбеков Шокан написал настолько изящное эссе на родном языке. Оно называлось «Вечные игры кочевников».

Я мог бы долго рассказывать, что было в том эссе, но вынужден сделать это вкратце. Так, Ахметбеков рассказывал, что сначала начинал с более легких игр, где не требовалось умения ездить верхом, а именно – начал он с «Асык ату», «Садак ату» и «Тоғызқұмалақ». Вначале он играл в асыки неумело, так ни разу не выбив ни одного альчика. Но каждый раз беря в руки кости, он понимал, что его ловкость и глазомер постепенно развиваются, и уже через неделю он стал более метким. «Садак ату» оказался для него самым простым занятием, так как еще в Англии он практиковался в стрельбе из лука. Однако ему больше всего приглянулась «алгебра чабанов». Так называли «Тоғызқұмалақ» – настольную математическую игру, где требовалось хорошее аналитическое мышление участников. Дальше последовали другие национальные игры, где нужно было научиться ездить верхом на коне.

Ахметбеков писал, что ровно неделю практиковался ездить на Искре (так он назвал своего тулпара), а затем, несмотря на рекомендации его инструктора подождать еще некоторое время, он сразу принялся играть в «Теңге Ілу». Он участвовал в любительском состязании вместе с сельскими джигитами. Пробуя в первый раз собрать монетки, он проиграл всухую, не сумев схватить хоть один мешочек с деньгами, да еще и упал. Как он писал, после этого он стал упорней тренироваться и впервые осознал, что начинает понимать, как жили его предки. После «Теңге Ілу» он начал непрофессионально пробовать и другие конные игры. Следом он участвовал в товарищеском забеге в «Бәйге», а затем с всё теми же людьми попробовал «Көкпар». О результатах скачек он умалчивал, однако про «Көкпар» написал, что ему не хватило физической силы всё время удерживать тушу козла от противника. Следовательно, он захотел развить мускулатуру и принялся участвовать в борьбе на конях – «Аударыспак». Он несколько раз сумел одержать победу, сбросив соперника с седла, и именно этот вид спорта он описывал в эссе наиболее живо и подробно. Было ясно: именно Аударыспак пришелся ему по душе.

Ахметбеков, по его словам, и сам не заметил, как после всех этих игр впервые заговорил на казахском языке. Сначала он стал с большим увлечением читать казахскую литературу – не только вслух, выполняя домашние задания, но и для себя, стараясь понимать смысл произведений. Среди его чтения появились такие авторы, как Бейімбет Майлин, Ілияс Есенберлин и другие. Ему стало интересно, как жили его предки, и потому он выполнял мои задания с явным вдохновением. Постепенно он начал обмениваться короткими фразами со своими новыми приятелями. Пусть с акцентом, но уже уверенно – складывая осмысленные предложения и даже употребляя фразеологизмы, услышанные от них. Он отмечал, что после побед в некоторых национальных играх страх говорить на казахском языке начал растворяться, а окружающие, наоборот, начали помогать ему осваивать казахскую речь, так как увидели его увлеченность этим делом.

Всё шло так, что и мечтать было трудно. Последней национальной игрой, которую он опробовал, стала «Жамбы ату». Исходя из его слов, конь и лук стали его вторыми руками и ногами. Как Кейки батыр в свое время, он получил за свою меткость прозвище Қол мерген. Про «Құсбегілік», которая именуется охотой с орлами, и «Жорық» – новый вид скачек на длинные дистанции, он отметил, что пока не дорос до такого уровня, чтобы участвовать в столь профессиональных видах спортивной деятельности. Но будет стремиться попробовать себя в них, когда наберется больше опыта и навыков. В почти заключительной части эссе ученик меня благодарил, говоря о том, что благодаря моей методике

обучения он смог пробудить свою идентичность, стать настоящим казахом с любовью к отчизне в груди. И тогда мне впервые захотелось обратиться к нему не по его фамилии, а по его прекрасному казахскому имени – Шокан.

То эссе я так и не смог сохранить, как я уже говорил. Однако, признаюсь, я немного слукавил... Ведь Шокан тогда, в самом конце эссе, оставил свое первое стихотворение. Да, оно, возможно, не идеально – может быть, даже немного наивно, особенно если сравнивать с теми поэмами, которые он пишет сегодня. Но когда я впервые прочитал это стихотворение, оно поразило меня своей искренностью. Настолько, что я переписал его на отдельный лист. Сам Шокан до сих пор не знает, что я сохранил его строки. Я сказал ему, что эссе утеряно, – но о последней, лучшей его части, умолчал. Это стихотворение было посвящено его самой любимой игре – той, которую он описывал с особым воодушевлением. И вот оно:

### Аударыспак

*Аударыспак, что в тебе таится?  
Многие скажут: «На коне резвиться,  
С другом силой помериться».  
Однако я гордо заявлю:  
Аударыспак – не просто забава,  
Он – часть души и казахского нрава.  
В нём – дыхание древних времен,  
Колыбель истории, пульс поколений сошлись.*

*Ты кузницей батыров был испокон,  
Ты воспитал мужество и терпение.  
Коня оседлать, землю беречь,  
В унисон с ветром степным лететь –  
Таков он, батыр Благородной степи.  
Аударыспак ему силу дарил,  
Выносливость в теле будил,  
Мышцы и дух закалял,  
Душу воина пробуждал.*

*Сегодня, чтоб казахскую идентичность понять,  
Нужно в Аударыспак вновь каждому сыграть!  
В нем – и искусство, и благородный жар,  
Он джигита делает стойким, как темир,  
Чтоб ни буря, ни время не согнули его тагдыр.  
Откровенно каждому я нынче скажу,  
Суть борьбы через Аударыспак познавай,  
Номадизм народа впитай,  
И Славную казахскую культуру вовек воспевай!*

И каждый раз, когда я слышу новости о том, что мой ученик получает очередную литературную премию или что его произведения переводят на иностранные языки, я с гордостью – а порой и со слезами на глазах – перечитываю то самое стихотворение. Оно напоминает мне о том, что никогда не поздно вернуть себе свои корни, услышать голос своих предков и заново обрести свою национальную идентичность.